

Господин Йондайме был приятным человеком. Итачи это знал. Тем не менее он не мог не чувствовать себя немного запуганным в обществе могущественного ниндзя. Он много раз видел Йондайме издалека, но по пальцам одной руки можно было пересчитать, сколько раз он оказывался в его компании.

У этого человека была грозная репутация, его навыки ниндзя приносили ему различные титулы и врагов за пределами Конохи.

Для человека, прославившегося тем, что одним дзюцу уничтожил сотни ниндзя Ива, Йондайме был удивительно дружелюбен. Его обаятельная улыбка и слегка озорной вид ничем не выдавали его истинного интеллекта, легко скрывая его.

Впервые в жизни Итачи почувствовал благоговейный трепет, молча глядя на Йондайме.

Его отец сидел рядом с ним и болтал с Йондайме в непринужденной, небрежной манере, которая, казалось, свидетельствовала о дружбе. Однако Итачи догадался, что это была лишь иллюзия, которую Йондайме хотел изобразить, чтобы успокоить Учиху.

Осторожно, со скрытым нетерпением, он осмотрел окрестности, впервые заглянув в кабинет Хокаге. В конце концов, он был пятилетним мальчиком.

"Хокаге-сама". Итачи повернул голову, когда его отец прервал дружескую беседу, обратившись к нему с серьезным тоном. "Разве Намикадзе-сама не должен присутствовать здесь, чтобы обсудить ученичество?"

Йондайме улыбнулся, в то время как Итачи внимательнее прислушивался к разговору. "Да. Однако он немного опоздал". На недовольное выражение лица Фугаку, Йондайме усмехнулся: "Ах, прошу прощения. Наруаки сейчас накладывает на Митарашу Анко сложную сдерживающую печать, чтобы заключить в нее Проклятую Печать, которую использовал Орочимару". Хокаге пожал плечами: "Подозреваю, что могут возникнуть некоторые сложности. Он должен быть здесь с минуты на минуту".

Итачи наблюдал, как отец нахмурился, выглядя смутно обеспокоенным. "Простите, Хокаге-сама, но разумно ли позволять вашему брату находиться в компании известного сообщника предателя?"

Йондайме вскинул бровь, выражение его лица было добродушным, но взгляд суровым: "Вы полагаете, что ученица должна быть наказана за грехи своего учителя?"

Фугаку мгновенно заметил гнев Йондайме, но ответил спокойно и хладнокровно: "Наказать? Нет. Однако было бы разумно проявить осторожность. Митараша Анко - сирота, а Орочимару-сама... Орочимару воспитывал и обучал ее большую часть жизни. С нашей стороны было бы разумно убедиться, что она верна Конохе".

Йондайме не сводил сурового взгляда со своего нового советника, но понимал, к чему клонит Фугаку. Он не мог позволить своей симпатии к Анко ослепить его. Однако стремление Наруаки помочь Анко принесло ему некоторое облегчение, дав понять, что его снисходительность не обернется для него бедой.

Тем не менее, он будет осторожен. "Вы правы". Однако, даже если она и представляет угрозу, Наруаки отнюдь не слаба. Если возникнет проблема, я полностью уверен в его способности справиться с ней".

Фугаку кивнул, довольный тем, что Хокаге принял его предложение без обиды. Это означало, что Йондайме уважает его мнение и серьезно к нему относится. "Очень хорошо, Хокаге-сама. Приступим?"

"Ах, простите меня за поздний приход".

Итачи повернулся и широко раскрытыми глазами посмотрел на новоприбывшего. Он заметил, как отец удивился его внезапному появлению. Было ясно, что он не почувствовал прибытия Намикадзе-сама. Чтобы избежать острого восприятия отца и его натренированных в боях чувств, человек должен был быть хорош собой.

"Наруаки! Наконец-то!" Йондайме с улыбкой поприветствовал его: "Запечатывание прошло успешно?"

Наруаки изящно поприветствовал дуэт Учиха, после чего обратился к Каге: "Да. Митараша была очень восприимчива и легко приняла печать. Поскольку у нее не было желания использовать силу, я смог создать на ней очень сильную сдерживающую печать". Младший Намикадзе выглядел довольным: "Морино-сан взял ее на предварительный допрос... чтобы убедиться, что она верна Конохе".

Фугаку выглядел сдержанно довольным, а Йондайме только вздохнул. Он почувствовал облегчение от того, что у его догадливого следователя хватило ума прикрыть свои промахи. "Это хорошо". Он посмотрел на Наруаки и предложил ему присесть. "Нам нужно обсудить с тобой ученичество Итачи-куна". Он сообщил: "Ему всего пять лет. Каков твой план, Наруаки?"

Младший Намикадзе посмотрел на Итачи и в раздумье склонил голову набок. "Он скоро поступит в Академию, я полагаю?" спросил Фугаку.

Учиха кивнул: "Он поступит в ближайший семестр. Он подает большие надежды, поэтому мы со старейшинами решили разрешить ему поступить раньше".

Все отметили, что Наруаки не слишком впечатлило это признание. Однако эксперт Фууиндзюцу не стал высказывать свое мнение по этому поводу. Он повернулся к Итачи и долгое время молча наблюдал за ним.

"Итачи-кун, - спросил Наруаки через некоторое время, - я знаю, что кланы ниндзя обучают своих потенциальных ниндзя еще до поступления в Академию. Чему ты научился?"

Наследник Учиха взглянул на отца, прежде чем ответить: "Я тренировался в тайдзюцу, формовке и обнаружении чакры, ручных печатях и выносливости". Он пристально посмотрел на Наруаки, надеясь увидеть его реакцию, но Намикадзе оставался бесстрастным. "Я также работал над своей скоростью".

Наруаки поднял бровь и посмотрел на Фугаку с нескрываемым уважением: "Я должен похвалить вас, Учиха-сан. Вы заложили прочную основу для Итачи-куна". Когда Фугаку кивнул, с гордостью принимая похвалу, Наруаки слабо улыбнулся: "А добавление упражнений по запечатыванию рук в столь юном возрасте означает, что Итачи-кун вырастет по-настоящему опытным в этом небольшом, но очень важном аспекте бытия ниндзя".

Фугаку поклонился: "Благодарю вас за добрые слова".

Наруаки в задумчивости откинулся на спинку стула: "Итачи-кун, поскольку ты уже тренируешься с основами, которым я хотел тебя обучить, мы должны перейти к тому, что является основой Фуиндзюцу".

Итачи заинтересованно наклонился вперед, желая узнать больше о непонятной области.

Наруаки ухмыльнулся: "Пришло время заняться каллиграфией".

"Каллиграфия?" недоверчиво прошептал Итачи, сильно разочарованный. Даже Фугаку выглядел подавленным.

Йондаиме усмехнулся и покачал головой: "Итачи-кун, каллиграфия - лучший способ обеспечить точность в запечатывании. В Ниндзюцу и Гендзюцу тебе нужно практиковать ручные печати, верно?" Итачи кивнул. "Для фуин-дзюцу нужна твердая рука, умение писать руны точным, четким почерком и как можно быстрее. Продвинутые печати зависят от того, сможет ли специалист сформировать чакру в точный узор без помощи нарисованных печатей. Однако для этого нужно освоить основы".

"Формировать чакру?" спросил Итачи, пытаясь понять смысл сказанного. "Разве не все печати нарисованы?"

"Фуин-дзютсу, которые я использую, - с улыбкой сказал Минато, - сильно уступают тем, на которые способен Наруаки". К удивлению Фугаку и Итачи, он признал: "Тип манипуляций с чакрой, который я использую, довольно сильно уступает тому, на что способна Наруаки". "Манипуляции с чакрой, необходимые для некоторых продвинутых печатей Наруаки, мне не под силу. Сомневаюсь, что Цунаде с ее мастерством управления чакрой смогла бы справиться с этим".

Наруаки насмехается: "Контроль тут ни при чем". "Контроль чакры так же грациозен, как и бешеный носорог. Фууин-дзюцу требует определенной элегантности и гибкости, а не контроля. В фуиндзюцу ты не контролируешь свою чакру, а работаешь вместе с ней, используя ее естественные тенденции. И чтобы ответить на твой вопрос, - повернулся он к Итачи, - нет, не все фуин-дзютсу рисуются на поверхности. Однако это слишком сложная концепция. Ты поймешь ее только после того, как достаточно освоишь основы".

Наруаки посмотрел на Фугаку: "Учиха-сан, я не могу законно взять его в ученики, пока он не закончит Академию. Пока он в Академии, пусть учится всему в постоянном темпе. На освоение каллиграфии уйдет немало времени. Потом, когда я буду доволен его успехами, я познакомлю его с теорией фуин-дзюцу".

Он протянул свиток Итачи. "Купите материалы для каллиграфии, и мы начнем работать над этим".

Наследник Учиха открыл свиток, и его глаза расширились. Он никогда не видел таких изящных иероглифов. Все кандзи были аккуратными, точными и одинакового размера. Не было никаких откровенных изысков или неряшливости, только чистый, скромный почерк, где красота кандзи демонстрировалась гордо, без прикрас.

"Красиво!" Итачи вздохнул, найдя в этих словах какую-то неведомую силу. Они были маленькими, но казались такими пугающими.

Внезапно перспектива заниматься каллиграфией показалась ему не такой уж и разочаровывающей.

Фугаку посмотрел на изящно написанный шрифт и неохотно кивнул: "Каллиграфия - хороший навык для наследника нашего благородного клана".

Минато и Наруаки обменялись забавными взглядами, но не стали комментировать раздутую гордость Фугаку.

"Ну что ж, - сказал Минато, - ты согласен подписать бумаги об ученичестве, когда Итачи закончит школу? Ты ведь понимаешь, что даешь ему право частичной опеки над ребенком?"